

Мечты о любви

[228]

ил 3/2019

Отрывки из переписки Яна Райниса, Аспазии и Ольги Клингере

Перевод и вступление Елены Сокотухи

В честь латышского поэта Яна Райниса (псевдоним, настоящее имя Янис Плиекшанс, по документам периода Российской Империи — Плекшан Иван Христофорович, 1865—1929) названы улицы и бульвары, он по-смертно стал народным писателем Латвийской ССР. А вот его жене Аспазии (тоже псевдоним, имя античной героини, настоящее имя Йоханна Эмилия Лизете Розенберга, 1865—1943) повезло меньше — она не приняла советскую власть, ее поэзию называли “мелкобуржуазной”, хотя ее удивительно гармоничные и певучие стихи можно смело назвать воплощением романтизма, и на русский их переводили В. Ходасевич и С. Шервинский. История их любви и совместной жизни может стать основой для романа: Аспазия встретила Райниса, когда он был безвестным издателем “Рижского листка”, а писательница уже срывала аплодисменты на творческих вечерах и премьерях в театре. Не известно, каким образом она угадала в скромном журналисте будущего властителя дум, но с самой первой встречи Аспазия стала верным и преданным другом, женой, любовницей, кухаркой и всем тем, чем женщина может стать для обожаемого ею мужчины. Райнис исповедовал левые политические взгляды — он был социал-демократом, но сверх меры страстным идеалистом пролетариата; до образования в Латвии парламентской республики он успел и посидеть в тюрьме, и отбыть ссылку, и прожить в эмиграции более десятка лет в не самых комфортных условиях — и Аспазия всюду следовала за ним, обеспечивая поэту супы и котлеты, теплые носки и дрова, воду для мытья, пытаясь одновременно вовремя подхватывать социал-демократические лозунги и пылать поэтическим жаром, что было очень нелегко. Это была настоящая жертва, и как всякая жертва, оказалась нужна ровно до тех пор, пока поэт не достиг вершин, став членом Правительства Латвии и одним из авторов Конституции.

Всеобщее счастье не наступило в одно мгновение, а прекрасные женщины с возрастом увяли. Райнис отчаянно искал повод для нового вдох-

© Елена Сокотуха. Перевод, вступление, 2019

Редакция благодарит за помощь в подготовке публикации Яниса Залитиса (Jānis Zālītis), доктора филологических наук, старшего эксперта Объединения мемориальных музеев, члена Союза писателей Латвии.

новения — и возвышенный герой обернулся мужчиной в кризисе среднего возраста, влюбился в юную и прелестную соседку Ольгу Клигере (1898—1990). А для Аспазии это стало трагедией — оставить Райниса было равносильно крушению жизни, начать все заново было выше ее сил. Поэтому они так и существовали втроем — Райнис, Аспазия и Ольга, а в 1929 году, после смерти Райниса, Аспазия осталась с Ольгой наедине, до самого конца в 1943 году, посвятив себя собиранию и спасению архива и рукописей поэта, невзирая на очень стесненные обстоятельства. Похоронили ее рядом с Райнисом, как она и хотела.

2 марта 1926 года

Ольга Клигере — Яну Райнису

Последний раз положила Лулитис¹ свою головку на твою подушечку. Тебе будет приятно спать.

Прощай, прощай... Милая комната.

2 марта 1926 года

Ольга Клигере — Аспазии

Рига 2/Ш 26

Уважаемая госпожа!

Оставляю здесь Ваши вещи. За недостающие вещи, которые не могу отдать — потому что их больше у меня нет, — прошу выслать мне счет

О. Клигере

Мой адрес
Университет, Юрид.-экон. фак.

17 марта 1926 года, Берлин

Ян Райнис — Аспазии

Лети, письмо, мы в Берлине², все хорошо, завтра утром будем в Цюрихе. Будь здорова.

Райнис

1. Ласковое сокращение от Ольги. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

2. В поездку Райнис отправился вместе со своим врачом Беркой Борисом Лившицем (1872—1933) и его супругой Элеонорой (1884—?).

17 марта 1926 года, Берлин¹

Ян Райнис — Ольге Клигере

Я в Берлине, завтра поеду дальше — жив и здоров. Того же и тебе желаю. Хорошего дня.

[230]

ил 3/2019

Райнис

17 марта 1926 года. Рига

Аспазия — Яну Райнису

№ I 18/III 26

Милый дружок!

Не знаю, получишь ли ты мою открытку, у меня еще нет твоего адреса. Хоть бы уж ты благополучно добрался и не простудился. Здесь опять мороз, туман, одиночество, а тебя там впереди ждет ласковое солнышко. Видела твой поезд, когда ехала по мосту, — я была в автобусе и узнала твой вагон. Уже два дня я одна. Один день заняли чужие люди, с утра до вечера, один за другим. Блауи², Лиените³, 5 маленьких девочек с красными розами, Приедкалны⁴ и Улмы и еще крестьяне из деревни, ведь ты же уехал в день моего рождения⁵. Второй день прихожу в себя. Новостей никаких, газеты отправлю. Пишу на почте, очень неудобно. Мой милый, милый дружок.

П.⁶

19 марта 1926 года. Цюрих

Ян Райнис — Ольге Клигере

Привет из Цюриха, в котором пришлось провести два дня, сегодня вечером еду на свою “вторую родину” и, наверное, дальше через Италию в Ментону. Оттуда напишу еще; ночами не сплю, но держусь хорошо, чего и тебе желаю.

21 марта 1926 года

Ольга Клигере — Яну Райнису

Милый мой, хороший! Пишу тебе первое письмо, надеюсь, что получишь. Застали ли тебя две моих открытки в Кастань-

1. Открытка адресована: г-же О. Клигер, Рига, Латвия, Бульвар Аспазии.

2. Двоюродная сестра Аспазии Анна Блауа (1881–1969) и ее сын Витаутс (1909–1946).

3. Двоюродная сестра Аспазии Хелене Фреймане-Нимане (1893–1977).

4. Анна Приедкалне (1873–1949) и ее дочь Мария (в браке — Якобсоне, 1912–1986).

5. 16 марта.

6. Одно из ласковых имен Аспазии было Пукс, они с Райнисом друг друга называли Маленькими Пуксами.

оле? Большое спасибо за весточку из Берлина. Когда ты писал мне эти слова, ты не мог даже представить себе, сколько радости они мне принесут... Помнишь, вначале ты постоянно попрекал меня тем, что по моему поведению никак нельзя понять, что меня радует, а что нет, потому что я слишком замыкаюсь в себе. Боюсь, что сейчас из моих простых слов ты не получишь полного впечатления ни о моих радостях, ни о бедах, но, дорогой, как мне себя изменить? Ну как мне передать тебе свое нынешнее настроение? Скажу тебе твоими собственными словами, поскольку считаю, что лучше тебя никто не понимает душевных переживаний другого человека.

Помнишь, когда Дина рассказывает Иосифу об отце¹:

Отец в рыданиях места не находит...
В хлев из шатра идет, из хлева в сад,
Потом на пастбище, гоним тревогой...

Ты тоже лишь несколькими словами так много сказал, описал такие острые душевные переживания. Каждый раз восхищаюсь тобой, когда читаю или смотрю “Иосифа” на сцене. То же самое могу сказать и о себе: брожу туда-сюда, смотрю, ищу. Так и кажется, что что-то потеряла, что какое-то дело забыла закончить...

Плакать не плачу, если не считать того дня, когда ты уехал, тогда все время глотала слезы... Я совершенно одна, наедине с собой. Сегодня у меня был первый гость – Юргелане² принесла белый гиацинт, посидела не более получаса и убежала, вероятно, я была негостеприимной хозяйкой.

Постоянно пытаюсь начать учиться, но до сих пор никак не получается! Хочу следовать твоему доброму совету и работать, поверь, что хочу. Изо всех сил стараюсь забыть о неприятностях, хочу быть сильной, умной, чтобы быть хоть немного более достойной тебя...

Ты не поверишь, когда скажу тебе, что только сейчас я начала радоваться тому, что уже давно пережито. Я так подробно все помню, что ты сказал, как ты меня баловал... Все те вечера, или, вернее, ночи хочется завернуть в легкое шелковое покрывало, чтобы ничего не пропало, чтобы только мы могли бы это видеть, лишь бы только грубый внешний мир не мог их коснуться...

1. Цитата из пьесы Райниса “Иосиф и его братья”. Перевод Валентины Елизаровой.

2. Подруга Ольги Клигере Мария Юргелане (?–1944).

Милый, так много хотела тебе рассказать и в конце концов так ничего и не сказала... В глубине души смотрю в твои любимые глаза...

Лулис

[232]

ил 3/2019

22 марта 1926 года, Лугано

Ян Райнис — Ольге Клигере

Пишу в Лугано, в антикварном магазине, мужчина — старый кастаньолец; узнал меня на улице. Мне здесь все знакомо, да и меня все еще узнают. Однако завтра уже едем дальше, в Ментону. Еду через Италию. Трудно отсюда уезжать, здесь так спокойно и так красиво, так что было бы самое время остановиться. Вокруг все цветет. Прямо невозможно уехать.

23 марта 1926 года

Аспазия — Яну Райнису

№ 3 Вторник 23/III 26

Мой милый золотой дружочек! Мой дорогой, моя жизнь!

Написала тебе уже две открытки и пишу третье письмо, не знаю только, получил ли? Лишь бы только ты был здоров. Я беспокоюсь. Ночи ведь холодные, особенно в дороге. Все пустяки и преходяще, лишь бы только продолжалась твоя дорогая жизнь. Чувствую себя, как прежде, когда мы были на какое-то время разлучены, и когда у меня постоянно было ощущение, что я своими заботами о тебе, своей любовью должна поддерживать твою жизнь, как на шелковой нитке, и, что пока я тебя поддерживаю, ничего плохого с тобой случиться не может. Каждый раз так было. Разумеется, это суггестивный образ — это говорит разум

II

я слишком много воображаю о себе, чувствуя в себе такую силу, но она меня не покидает — и время, пережитое тобою в тюрьме, разве это не доказательство силы, во всяком случае, для меня самой? Под влиянием чувств мне бы хотелось сказать тебе все те старые милые слова, которыми были усыпаны, как цветами, все наши письма, но сердце сжимается — а не завяли ли эти цветы, а могут ли они все еще тебя радовать? Ты же хранишь увядшие цветы, как сувениры, мою красную розу¹ ты хотел взять с собой, но в дороге получил другие красивые свежие розы.

1. Красная роза — любимый цветок Аспазии, ее первый поэтический сборник назывался “Красные цветы” (1897).

Когда тревога проходит, я становлюсь тихой и боязливой, и мне кажется, что я все

III

потеряла и мне остается лишь тихо отойти в сторонку.

Никогда мы так надолго не расставались, как в эти два года, никогда не было между нами так много посторонних впечатлений, как в этот раз. А ведь совместная жизнь, как ты говоришь, состоит из привычек, из привыкания друг к другу, а у нас все как раз наоборот, мы находимся сейчас врозь. До лета ты часто бывал в отъезде, возвращался усталый, в оставшееся время занимался подготовкой собрания сочинений и другими делами. А последние полгода мы виделись все реже и реже, до обеда ты работал или спал, и если я заходила к тебе, так только беспокоила.

IV

А после четырех-пяти часов дня для меня у тебя вообще не оставалось времени, я могла только постоять у изголовья твоей кровати и погладить твою невыразимо милую мне голову. В тот последний раз, когда ты расстроился из-за того, что я за тобой шпионю, я просто приходила, чтобы нежно тебя погладить.

Так между нами постепенно открылась бездна, хотя вначале разделяла нас всего лишь стенка, и через нее уже трудно перейти. Если бы мои волосы были золотыми, как когда-то, давным-давно, когда по утрам и вечерам ты получал от них "Haarsegen"¹, тогда я смогла бы с их помощью перекинуть мост, но волосы начали седеть, поэтому в них нет силы — мне даже стыдно о них говорить.

V

Прости, что напоминаю тебе о прошлом, ты же настолько человек настоящего и будущего, я же, напротив, человек прошлого, у меня, как у дерева, корни в прошлом, там я черпаю силу и значимость, и мне кажется, что и будущее может вырасти только из значимых вещей, когда мысленно собираешь вместе все переживания и отмечаешь все ненужное. Прошлое — это то, что дает мне силу вынести настоящее, и, если ты (тоже) заставил меня испытать чувство горечи, я все же помню, как много сладкого божественного напитка бессмертия мы вместе испили.

1. Благословение волос (нем.).

То, что сделало тебя сильным, значимым и бессмертным — это наше прошлое и совместная жизнь. Думаю, что это сильнее твоего прекрасного настоящего и что ты вернешься к значимым вещам либо со своим старым другом, либо один, другого пути к ним нет, мы слишком органично срослись, нас обвенчали время, звезды, весь наш народ.

Пишу тебе так много потому, что не получила от тебя никаких вестей, помимо пары строк из Берлина. Когда напишешь, расскажу кое-что о других делах.

Нежно, нежно глажу тебя по голове и — если хочешь, еще и целую тебя.

Я все глубоко обдумала, я вовсе не одна “из” — как ты сказал. Люблю тебя с глубокой болью, и остаюсь твоим

маленьким Пуксом.

24 марта 1926 года

Аспазия — Яну Райнису

24/III 26

Мой дорогой, моя жизнь!

Получила вчера твою открытку, и у меня так полились слезы, что я ничего не видела, но это были слезы жизни, радости, как будто мне снова тебя вернули. Лишь теперь я почувствовала, сколько выстрадала. Эти два с лишним года я жила только наполовину. Написала тебе длинное письмо, но теперь отправлять его не буду, оно грустное. Теперь хочу еще надеяться, еще жить. Боюсь только, что вместе с впечатлениями от Кастаньолы могут исчезнуть и мои надежды. Тебя впереди еще ждет много хорошего, другие письма, которые тебя порадуют. Ты уже сказал, чтобы я не строила себе иллюзий, что я лишь одна “из”... Я заболела, температура за 38. Лекарства мне выписали. Лети, мое письмо!

24 марта 1926 года, Ментона

Ян Райнис — Аспазии

Мой милый дружок, со вчерашнего вечера нахожусь в Ментоне. Сегодня рано утром уже был на почте и получил твою открытку № 1 от 18 марта; и это всё, хотя сегодня уже 24 марта. В дороге писал тебе: из Берлина, из Цюриха, из Лугано, открытку и письмо, более длинное. Докторша приняла меня очень хорошо; оставался там 2 дня. Также 3 дня провел в Лугано, от всех tanti saluti¹. Из Лугано отправил ящик с книга-

1. Большой привет (*итал.*).

ми, который я там оставил. Затем поехал через Италию в Ментону; так гораздо дешевле, хотя нужно было получать визу. Ну а в Ментоне буду жить в Villa Faraldo, но, наверное, только неделю или две, потому что дорого — 500 руб. Хотя предполагалось, что только 300. Затем поеду дальше — в старые города Ним, Арб.

Твоя открытка шла 4 дня. — Завтра еще напишу. Я здоров. Лети...

15 апреля 1926 года, Ментона

Ян Райнис — Ольге Клигере

Моя милая, радость моего сердца, пишу тебе в саду, лежа на солнышке, чтобы написанное впитало в себя солнечный свет. Солнышек у меня много — в дополнение к солнцу Ментоны пришли еще три твоих письма. Ах ты, мой яркий лучик, моя радость, моя теплая, глубокая душа! Два письма от тебя усталых, а третье — почти печальное. Не печалься, милое сердечко, ты такая красивая и милая и приносишь мне так много счастья, что самой тебе надо быть полностью счастливой. У меня будет еще много бед, больших, чем раньше, но ничто не сможет мне навредить, ты даешь мне счастье, ты уже дала мне счастье. Я вижу, что сейчас ты ярче чувствуешь то, что было, а именно былое счастье; я тоже плохо помню дурное, а хорошие и счастливые моменты остаются такими живыми, будто я держу их в руках... Меня очень радует, что ты учишься жить прошлым как живым настоящим. А еще мне кажется, что ты не можешь жить будущим — “неужели никогда больше не будет так хорошо?”; “а позволит ли судьба больше счастья испытать?” Позволит — будет еще лучше, поскольку судьба нас спросит: “Какое вы хотите будущее? Представьте себе его сами, и я для вас его сделаю!” Ты нежно и красиво сказала, что счастье у нас было такое прекрасное и прочное, что нужно выдумать новые слова, чтобы его выразить. Это действительно так, я это особенно чувствую, потому что я чувствую, как поэт, но не могу это высказать, вернее, нужно потратить очень много сил, чтобы это высказать. А сейчас я не хочу напрягаться, хочу отдыхать и греться в лучах твоей божественной, нежной любви. Прошлое нашей любви бережет нас сейчас и нежно согревает в настоящем без какой-либо нашей заслуги. Будем отдыхать, но подумаем также о новых словах, которые понадобятся для новой, третьей жизни — жизни будущего... Ради третьей жизни, ради будущего нужно тебе самой стать сильной: делать гимнастику, начать учиться, сдать экзамены во время моего отсутствия! И даже когда ты чувствуешь усталость, все равно занимайся, это тебя духовно обод-

рит и укрепит, и это необходимо для нашего будущего. Делай это, милое мое сердечко, целую твои ручки и ножки и все 20 пальчиков и т. д. Если ты по моему возвращению не сдашь ни одного экзамена, меня это очень опечалит.

Я тоже, хотя и медленно, начал понемногу работать. Я так надеялся, что ты, написав мне письма, напишешь также часть романа, но этого не случилось. Очень жду твоих писем.

<...> Ты меня так порадовала, тем, что очаровала всех женщин своей речью, что твои тетушки в тебя влюбились, что тебя любят все существа, и собачки, и кошечки; ты дорогой подарок судьбы для всех людей. Но это накладывает большие обязательства: тебе нужно поддерживать и развивать это в маленькой и большой жизни! С дамами из правления и везде в обществе тебе нужно быть милой! Дар речи тебе нужно развивать! В партию надо вступить¹, ...готовься к своей роли! Слышишь! Воспользуйся тем, что мы на короткое время разлучились: укрепляй свою личность!

Мой милый золотой дружок, хватит мне тебя мучить и поучать, ты, такая красивая и нежная, всегда стоишь у меня перед глазами, я держу твои руки в своих, уже скоро я буду у тебя, приеду на один день раньше назначенного срока, будем снова счастливы. Прекрасны твои слова, чудесна ты сама, божественна твоя милая любовь, она в твоих глазах, поцелуях и ласках, мое солнышко, мое счастье.

24 апреля 1926 года, Париж

Ян Райнис — Аспазии

Сердце мое, я уже в Париже, но пишу тебе еще на открытке из Ментоны. С теплого юга приехали сюда, где холодный воздух и густой туман, вся Франция была в тумане. Я никогда не хотел ехать в Париж; даже будучи так близко от него, мы не стремились его увидеть, но теперь, хоть он и обхвачен туманом, может быть, я все же подружусь с ним. Париж при всей его роскоши прост; люди здесь тоже простые; в городе царят грандиозность и простор — все это мне по вкусу. Посмотрим. Сегодня весь день хожу пешком. Скоро поеду в Брюссель. Письмо пока не могу сесть писать, хочется побольше увидеть. Привет, милая Иния², привет. От тебя давно нет вестей, лети, мой привет.

1. Райнис имеет в виду социал-демократическую рабочую партию Латвии.
2. Иния — еще одно ласковое имя Аспазии

24 апреля 1926 года, Париж

Ян Райнис — Ольге Клигере

С пожеланиями долгих прекрасных дней из Парижа. Пишу еще на открытке из Ментоны. После теплого юга Париж кажется туманным и холодным. Весь день гулял пешком. Кругом оживает древняя история; сегодня еще увижу Наполеона, Мону Лизу и Венеру Милосскую. Нотр-Дам — просто чудо. Но Миланский собор изящнее. Скоро поеду дальше, в Бельгию; много встреч. Хорошего дня.

[237]
ил 3/2019

25 апреля 1926 года, Париж

Ян Райнис — Аспази

Мое милое сердечко, сегодня получил известие, что в Брюсселе меня примет у себя Г.¹, будет аудиенция у короля, также со мной хочет встретиться Вандервельде². Поскольку уже скоро туда еду, велю сшить себе смокинг, но если понадобится, то они там достанут фрак; посылать не стоит. Здесь я все дни в бегах, вчера слушал “Бориса Годунова”³, иду на “Эрнани” в Комедию⁴, брожу по городу. Жаль, что тебя здесь нет, есть дешевые вещи. Буду писать тебе каждый день, лети, письмо.

У меня нет от тебя никаких вестей. Адрес тебе отослал, он все время один и тот же. Лети, лети, лети письмо.

25 апреля 1926 года, Париж

Ян Райнис — Ольге Клигере

Эта девочка с птичкой⁵ — из самого Лувра; пробыл там почти весь день; видел и Венеру Милосскую, и Мону Лизу. Гейне неправ, говоря, что Венера не сможет помочь, ибо у нее нет рук; сможет, и именно от нее и придет помощь. Получил письмо от 18.4; больше писать сейчас не могу, весь день на ногах, спать и есть нет времени, вчера вернулся из оперы домой в полночь, спать лег в час.

Хорошего дня!

P.

1. Камиль Гюисманс (1871–1968), министр искусств и образования Бельгии, видный деятель социалистического движения, один из секретарей II Интернационала.

2. Эмиль Вандервельде (1866–1938), министр иностранных дел Бельгии, бессменный руководитель социалистической партии Бельгии, подписывал Версальский мирный договор.

3. Оперу “Борис Годунов” Райнис слушал в Гранд-Опера.

4. Пьеса Виктора Гюго “Эрнани” шла в Комеди Франсез.

5. Открытка из Лувра с надписью: J.V. Greuze. L'oiseau mort — the dead canary (Жан-Батист Грѐз. “Девушка, оплакивающая смерть своей птички”).

26 апреля 1926 года

Аспазия — Яну Райнису

Милый, милый дружок!

Уже считаю часы и дни до того момента, когда ты вернешься. И весна спешит тебе навстречу с зеленой травкой. Что бедная весна может противопоставить вдохновению, разлитому вокруг тебя, живущему внутри тебя! И, тем не менее, мы обе ждем, она — с солнцем и дождиком, я — со слезами и улыбками. Глажу твой тулупчик и жду, когда ты снова его наденешь. В политике все пока выжидают. Вряд ли ты получишь мою открытку.

Твой маленький Пукс.

27 апреля 1926 года, Париж

Ян Райнис — Аспазии

Душа моя! Сегодня от тебя никаких вестей; не пришли и обещанные газеты. — Тот вексель ты оплати¹, иначе расходы будут еще больше, позднее с него можно будет взыскать, как с театрального актера. Были у Коровина², великого сценографа, просит моей протекции для Художественной академии.

Это вид со старейшей церкви Парижа³, построенной в XII веке.

Послезавтра выезжаю в Брюссель, где скульптор Бия⁴ хочет ваять мой портрет; из-за этого придется подольше там побыть. Лети, лети письмо.

10 апреля 1929 года, Лаурана, Италия

Ян Райнис — Ольге Клигере

Моя милая, светлая маленькая девочка, какая ты чудесная! Ты всегда меня удивляла, но вдали от тебя меня еще сильнее восхищают твои простота и ясность, твои замкнутость и одновременно готовность открыться, хотя, точнее, меня восхищает именно открытость — потому что ты редко при мне закрывалась. Забавно, это пишу я, который вечно твердит о понимании — а мне ведь достаточно взглянуть в твои глаза, и сразу все станет ясно, прозрачно и искренне; в них нет вто-

1. О векселе Аспазия писала Райнису в письме от 1 апреля.

2. Константин Коровин (1861–1939) жил в эмиграции в Париже и подарил Райнису на память о встрече картину с посвящением “Глубоко уважаемому J. Rainis на добрую память. Константин Коровин”.

3. На открытке изображен Собор Парижской Богоматери.

4. Аугуст Бия (1872–1957), скульптор, создатель бюста Яна Райниса.

рого дна. Ты часто меня упрекаешь: “Что ты буравишь меня глазами? Что ищешь?” Когда я не отстаю, ты говоришь: “Я сейчас заплачу”. Это виновата моя природа, я постоянно копаюсь в себе и в мироздании.

И счастье мое тоже ты. Я в ясный день ищу солнце и не вижу его. Смог бы я написать о тебе так, как Гёте о Гретхен? Вот величайшая задача. Только ты больше, современнее, в тебе соединились прошлое и будущее. Ты же умная, деятельная женщина, профессионал, и, одновременно, маленькая, светлая девочка: детская простота, правдивость, бесхитрость. Ты не ожесточилась и не изменила себе, ты само совершенство, ты воплощение великой природы, жизнь не смогла ничего с тобой поделать. Но ты устала, это да.

Со мной тоже жизнь ничего не смогла сделать, я шел к своей цели, на шестидесятом году жизни я ее достиг, и тогда же закончилась моя жизнь. А я так и не понял, была ли это действительно моя цель, та, к которой я шел, или это просто время было такое, а моя цель поманила и пропала? Как бы то ни было, эти последние годы принесли мне дары — покой и тебя.

А я не понял, что ты — подарок судьбы, и продолжал искать, как будто меня еще что-то ждет впереди. Я так часто тебя обижал, что-то от тебя требовал, куда-то гнал ради своих желаний. Но я всегда испытывал к тебе чувство глубокой благодарности. А теперь эта благодарность не только глубокая, она ясная, пристальная и всеохватная; счастье — это не наша заслуга, оно приходит извне, отменить его невозможно, но и удержать невозможно, ведь солнце светит, когда хочет. А люди-солнца еще неуловимее: их век недолог, они могут выбрать кого-то одного, а могут светить всем, могут потратить все свое тепло, не оставив себе и своему счастью ни капли. Такова трагедия прямых, чистых детских душ, а ищущим и знающим нужно это помнить.

Приходит весна, ты выползаешь, как желтая бабочка и порхаешь на солнышке над лугами, пока ты молода. А я пытаюсь догнать весну, не будущую, но прошлую: я хочу увидеть, каким мог бы быть этот разноцветный мир, если бы я пошел другим путем. Мой врач говорит, что новые впечатления помогут мне вновь начать работать, но мне нужны новые цели, новые идеи, новые большие чувства, а я испытываю одно лишь безразличие. Но как бы там ни было, я встретил тебя, был счастлив и теперь благодарен и уже ничего не требую.

Завтра утром, 22.4.29, отплываю на корабле. В Палестине буду, наверное, неделю, и в Египте тоже, а из Палестины поеду назад. Из Вены мне следом отправляли корреспонденцию, и в дальнейшем собираются отправлять, но вряд ли она

меня найдет. Я совсем не надеялся получить от тебя здесь письмо и собирался ждать до отъезда домой, и когда оно пришло, очень обрадовался. Твои письма разбудили во мне воспоминания, которые вылились в это длинное письмо, ты уж постарайся дочитать его до конца.

Вот тебе мои обычные поучения: береги свое здоровье; хорошо, что занимаешься, плохо, что не радуешься; сдай экзамены, пока тебя никто не беспокоит; не вздумай печалиться; не беспокойся обо мне, у меня все хорошо, доктор говорит, что я почти поправился и в будущем совсем поправлюсь; морской болезни мне тоже вроде бы не нужно бояться; наверное, единственное, чего мне следует опасаться, так это растущего живота, но кто-то этот большой живот ведь примнет ногами. Итак, ты видишь: перспективы отличные. Оторваться от прошлого — новое окружение, новые беседы, новая еда действительно делают меня равнодушным к былому: ты единственная остаешься той золотой стрункой, что связывает меня с собой прежним, милая, дорогая, хорошая, маленькая, светлая девочка.

Твое второе письмо от 4.4.29 полно трогательных, чуточку грустных, но тем не менее забавных деталей; держись, милый дружок, не прячься от радостей и от жизни, живи своей жизнью, а не великими целями! Ты видишь, что из меня получилось из-за того, что я жил ради великого. Будь такой, как велит тебе твоя природа, слушай природу. Для меня ты всегда будешь светлой, яркой звездочкой, которая никогда не спустится с небес, и которую даже днем можно увидеть из колдца. Всего тебе хорошего, милый дружок!

Твой Райнис